

ПОЗДНИЕ КОМИ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ*

Г.В. Федюнева (Сыктывкар)

Массовое заселение русскими низовьев Печоры относится к концу XV – началу XVI в., когда появляются первые русские поселения – Пустозерск (1499) и Усть-Цильма (1542). Среди их строителей и первых обитателей были новгородцы, выходцы с Мезени, Пинеги, Подвинья, а также переселенцы с нижней Вычегды, нижней Вашки и Лузы – выходцы из владими́ро-суздальских, новгородских и вятских земель, проникшие в вычегодско-вымский бассейн еще в XII–XIII вв. В XIV–XV вв. низовья Печоры начали осваивать также представители Московского княжества, которое, окрепнув к этому времени, стало вытеснять новгородцев с северо-восточных земель. В начале XVIII в. из разных русских городов в низовья Печоры бежали раскольники-старообрядцы, при непосредственном участии которых сформировалась своеобразная этническая группа русских – усть-цилемы. Таким образом, в формировании русских островных говоров Припечорья приняли участие как северо-западные (новгородские, архангельские, вологодские), так и северо-восточные (вятские, приуральские) русские говоры. Неудивительно, что в них обнаруживаются разные по времени и происхождению лексические пласты. Весомую часть при этом составляет неисконная лексика, представленная финно-угорскими и ненецкими заимствованиями.

Как и во всех северно-русских говорах Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Тверской, Костромской, Ярославской и др. областей Русского Севера, долгое время находившихся в сфере влияния прибалтийско-финских языков, в говорах нижней Печоры последовательно выделяется субстратная лексика прибалтийско-финского и саамского происхождения, вроде: *бў́гор*, *бў́гра* «временное жилище, землянка, шалаш»**: *бў́гор* *зделан, така* *избушка* *из мяндоф*, *теперь* *таки* *домы*, *а мы ф* *земленых бў́грах жыли*, ср. кар. *rigri* «место для спанья на воздухе», саам. *ruu9re* «сарай для ночлега»; *мянда* «сосна», ср. фин. *mänty* «сосна»; *ма́кса* «печень рыбы»: *у скотины пеценъ называецця*, *а у рыбы ма́кса*, ср. фин. *taks*, лив. *taksu* «печень» и т.д.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-14-11000а.

** Здесь и далее: Примеры из Словаря русских говоров низовой Печоры / Ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2003. Т. 1; 2005. Т. 2. Приводятся в графической системе источника.

Достаточно большой пласт составляют заимствования из ненецкого языка – поздние лексические вхождения, заполняющие лауну оленеводческой терминологии. Они почти тождественны аналогичным заимствованиям в ижемском диалекте, напр.: *менурей, менуруй* ‘олень в возрасте пяти-шести лет’; *нартало, няртало* ‘аркан для ловли оленей’; *парка* ‘верхняя меховая одежда’ и т.д.

Наибольший пласт, по понятным причинам, составляют заимствования из коми языка. Казалось бы, эта лексика наиболее проста для интерпретации, однако при ближайшем рассмотрении возникают сложности, связанные с историей формирования диалектной зоны. Дело в том, что коми заимствования в русских говорах Припечорья, как впрочем и в других районах, находящихся в зоне влияния коми языка, неоднородны по типу и времени заимствования.

Предварительно, мы можем выделить два пласта лексики: раннекоми и позднекоми заимствования.

1) Раннекоми заимствованиями мы условно называем лексику, возводимую к коми источнику, которая обнаруживается на всем пространстве русских диалектов Севера, в том числе на территории Республики Коми, а также Приуралья и Сибири. Значительная часть этой лексики нашла отражение в этимологических словарях М. Фасмера, А. Матвеева, А. Аникина и др. исследованиях по финно-угорским языкам*.

В словаре печорских говоров мы обнаружили более 70 лексем, которые широко представлены в диалектах Русского Севера, Приуралья и Сибири: *кычко* ‘кобель’, *мег* ‘изгиб, перешеек’, *виска* ‘небольшая речка’, *шати́на* ‘шест, удилище’, *няча, няша* ‘глина’, *бака* ‘нарост на дереве, чага’, *чир* ‘зазеленелый снег’, *малтать* ‘понимать’, *няквать* ‘мяукать’ и др. Эти заимствования проникли на ранних этапах формирования северно-русских диалектов в ходе ассимиляции отдельных этнических групп пермян. Впоследствии с миграционными потоками они были занесены в русские диалекты Сибири, а также поздние говоры Припечорья.

2) Позднекоми заимствования проникли в русские говоры низовой Печоры за последние пять-шесть столетий в результате контактов с отдельными группами коми, в основном носителями ижемского и удорского диалектов. Позднекоми заимствования иногда попадают в диалектные словари (хотя и не идентифицируются как коми), однако в большинстве своем они остаются фактом живой спонтанной речи.

Ранние и позднекоми заимствования по-разному оцениваются носителями говоров. Первые осознаются как «своя», изначально присущая говору

* Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959; Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Екатеринбург, 2004. Вып. 1. и др.

лексика, которая маркируется выражениями, вроде 'у нас так говорят', 'не так, как у вас'. Часто эти слова сопровождаются ремарками, как бы противопоставляющими говорящего носителям литературного языка, напр.: *кошка 'каменистая отмель' (коми коськ, косьт 'порог'): заехал на кошку, шпонку порвал; кошки, порок по-вашему, перекаты, там мелко.*

Позднекоми заимствования обычно осознаются как инородные слова, требующие дополнительных разъяснений. В речи они часто сопровождаются специальными пометами, вроде «так комики называют», «это у них так называется» и т.д., напр.: *инька, инка 'женщина, ненка' (коми инь, энь 'невестка'): инки да самоетки — это бабы у хунгурееф, у ненцоф-то; раньше ненок называли иньки.*

Позднекоми заимствования неоднородны, трудны для идентификации как в количественном отношении, так и по таксономическим признакам. Среди них имеются слова, по-видимому, прямые вхождения, которые уже утратили оттенок иноязычности и, как и ранняя субстратная лексика, воспринимаются как факт собственного языка. Обычно это слова, заполняющие лакуны специальных терминов и наименований, напр.: *курка 'избушка' (коми керка 'дом'): курка — избушка така худяшиша, маленькая; кыред, кырод 'лиф сарафана с застроченными на спине складками' (коми кёрём 'складка'): сарафан с кыредом; ёнгель 'сорная трава' (коми йёнгыль 'нарост, шишка': йёнгыль йён 'чертополох, репейник'): у нас ёнгель больше на полях растет, колюча трава, эта вредна трава; гурган 'глубокое место в реке, заполненная водой яма' (коми гуран 'яма'): на Пецёре, где гурганы вымоет, глубоко и т.д.*

Часто такие вхождения получают более узкие специализированные значения для дифференциации той или иной реалии, напр.: *мырка, мыра 'передняя часть головы животного, рыбы' (коми ныр 'нос'): ему (тюленю) по мырке хлопни, по носу и фсё; у собаки мырка, у тебя-то нос; жсыра, жсырка 'стойло в хлеву для мелких животных' (коми жсыр 'комната'): ф хлеву жсыры есть, овец там держат, а корову отдельно; зель уст. 'карман' (коми зеп 'карман'): карман зелью звали; у брюк называется карман, а у нас (у женщин — Г.Ф.) зель.*

Большинство заимствований позднего происхождения сохраняет иноязычный «привкус» и в речи обычно сопровождается пояснениями через использование исконных нейтральных лексем, напр.: *кыча 'холодная погода' (коми кёдзыд, кёдзыдоват 'холодно, холодновато'): така кыча стоит; тепло не бывало, фсё кычевато, фсё холодно; талья 'дощечка в ловушке' (ср. коми тальяны 'топтать, давить ногой'): давиха така есь, тальяны такие; кыльмать 'липнуть (о снеге)' (коми кынмавны 'мерзнуть, промерзать'): плоха погода, тёпла, кыльмат пот лыжы, налипат и т.д.*

Особый разряд составляет глагольная лексика, испытывающая наибольшие изменения при заимствовании. Важную роль при этом играет деривация, выступающая как важный фактор адаптации чуждого элемента в системе языка-реципиента. Прямые вхождения, в основном представляющие собой экспрессивную и оноματοпозитическую лексику, оформляются формо-

образовательными элементами и получают лично-числовое словоизменение по законам русского языка, при этом основа заимствованного глагола претерпевает существенные морфофонологические изменения, напр.: *пичкать*, *мичкать* 'мять, давить' (коми *пычкыны* 'выдавить, раздавить прижатием'); *мячкать* 'медленно жевать' (коми *нятшыкыны* 'жевать'); *дзюргать*, *чурскать* 'пить небольшими глотками' (коми *чурскыны* 'отпить'); *гулкать* 'пить, издавая булькающие звуки' (коми *гулькыны*, *гулькнитны* 'глотать с шумом, бульканьем', *тышкать*, *тышкануть* 'бить, ударить' (коми *тышкасьны* 'драться'): *фсё друг друга тышкают* и т.д.

Одним из способов адаптации заимствованных основ является словообразование глаголов по русским словообразовательным моделям с помощью «своего родного» словообразовательного инвентаря, напр.: *излебевать* 'потерять прежние высокие качества, отощать (о сёмге)': *он (сёмга-казак) ись не заможет, излебевает лох*, ср. коми *ляб* 'слабый', *лябны*, *лябмыны* 'стать слабым, хилым, ослабеть'. Интересно, что сами основы в словаре обычно отсутствуют.

Можно также отметить случаи, когда структурно-словообразовательная адаптация сопровождается семантической и фонетической адаптацией под влиянием аналогии к исконному слову. При этом основное значение заимствованного слова сохраняется, хотя могут возникнуть и дополнительные коннотативные значения, в основном экспрессивности или пейоративности. Например: *вырозиться* 'стать рваным, дырявым': *цолок-то у меня розный, дыроватый стал, весь разрозилсе, дырье кругом*, ср. коми *розьясьны* 'стать дырявым', ср. рус. *розный* 'пустой', *опорожнить*, *розно* 'отдельно'; *лягаться* 'качаться, шататься, колыхаться': *лягался зуп целый гот, потом выпал*, ср. коми *легны*, *легдны* 'шатать(ся), качать(ся), раскачивать(ся)', ср. рус. *лягать*, *лягаться* 'ударять, бить ногой, ногами'; *сунуться* 'упасть, свалиться': *на дороге шол да сунулся, воткнулся, сразу наоткас, помер*, ср. коми *сунгысьны* 'споткнувшись упасть вниз головой, клюнуться', ср. рус. *сунуть*, *сунуться*, *соваться* 'лезть, устремляться, вмешиваться' и т.д.

Исследование коми заимствований, проникших в русские говоры сравнительно недавно, позволяет сделать очень важный, на наш взгляд, вывод. Заимствования, происходящие на уровне спонтанной речи, далеко не всегда подчиняются жестоким адаптационным требованиям языка-реципиента. Приспосабливаясь к системным закономерностям, они все же в значительной степени подчиняются иллокутивным потребностям живой разговорной речи, видоизменяются под влиянием языковых ассоциаций, окказионального осмысления, внутриязыковой аналогии и т.д. Эти, на первый взгляд кажущиеся случайными, явления могут быть спроецированы на более ранние языковые периоды и учтены в работах по исторической лексикологии и этимологии.